

Илья Кнабенгоф

12+

A white feather is shown floating on a dark, rippling surface of water. The feather is oriented diagonally, with its quill pointing towards the bottom left. The water's surface is covered in concentric ripples that radiate outwards from the feather, creating a sense of movement and depth. The overall color palette is monochromatic, consisting of various shades of grey and black, which makes the white feather stand out as the central subject.

Тори

Илья Леонович Кнабенгоф

Тори

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57089526

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-04934-5

Аннотация

Книга о том, как трудный ребенок, которого люди считали изгоем, в итоге пройденных приключений и любви отца оказывается правителем иной планеты. Сюжет основан на реальных воспоминаниях прошлых жизней автора, но, конечно, приукрашен и дополнен до художественного повествования. И, конечно, эта книга служит предостережением о том, что к каждому человеку нужно относиться с уважением и пониманием, ибо никогда не знаешь, кто он на самом деле внутри, и кем он окажется в итоге, аки и беда может обернуться в любой момент волшебным даром, если правильно её рассмотреть.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	21
Глава 5	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

«В действительности все совершенно иначе, чем на самом деле.»

(Антуан де Сент-Экзюпери)

Глава 1

Серебряные птицы. Переливающееся серебро на серо-стальных крыльях. Длинный искрящийся вихрь из перьев и сотни голосов, перекликающихся между собой таинственной песней на неизвестном языке. Сотня песен, сливающихся в один водоворот, который скручивает воздух и серебро... серебро... серебро...

Уже вечер. Я медленно шагаю по берегу моря и подбираю выброшенных штормом рыбешек, морских звезд и медуз. Красное солнце, попеременно становящееся зеленым, грузно и нехотя опускается в только начавшее успокаиваться море. Уходящий грохот ветра напоминает заключительный акт какой-то грандиозной оперы. Я напряженно пытаюсь вспомнить какой именно, и в этот момент воздух высвечивается желтизной, и ветер начинает закручивать желтые вихри над серыми и в то же время оранжевыми волнами. Это зрелище никогда не оставляло меня равнодушным. Солнце перевалило теперь более на зеленую сторону, чем на красную, и небо соответственно схамелионилось с темно-синего на грязно-зеленое. Я присел на прибрежный валун, поднял камешек и запустил его в `дальнее` плавание. Раз... два... три... четыре... Я встал и пошел дальше, прежде чем камень утратил свои плавательные способности и с легким плеском

скрылся в очередной волне. Иногда я заходила далеко от дома, и темнота накрывала берег настолько быстро, что я не успевала добежать до крыльца. Наваливалась непроглядная темень, и я, стоя в пяти шагах от дома, не могла разглядеть ни окон, ни тропинки, ни даже силуэта самого дома. Понимая, что на этот раз ночь обманула меня, я садилась на корточки и начинала кричать: `Папа!.. Па-паааа!..` Отец, смеясь, выходил с фонарем на крыльцо и спасал меня в очередной раз от `неминуемой голодной смерти`. Чем старше я становился, тем чаще такие вещи со мной происходили и не только такие... Старше – это понятие, в отношении меня, довольно растяжимое. Судя по рассказам отца, мне что-то около двадцати, а второму мне (о котором отец не знал, или знал, но молчал) было около пяти. При всем этом, моя личная интуиция подсказывает мне, что я на пару сот лет старше. Это сложно объяснить, потому как я даже сама себе не могу объяснить этого и еще много чего другого. Когда я сажусь и начинаю себя вспоминать `до рождения`, у меня начинает раскалываться голова, и предметы вокруг меня начинают совершенно сходить с ума, меняя все оттенки радуги. Поэтому я оставил все как есть и сказал себе: `Пусть будет, что будет`. Сказал – это тоже понятие относительное по отношению ко мне. Я не умею говорить в общепринятых понятиях. Когда я говорю, что кричу: `Папа!` – это означает, что я кричу: `А-а-а-и-и-и!`, и наоборот. Говорю я сам с собой, что тоже иногда затруднено быстрой сменой нескольких потоков

мыслей с разных сторон. Отца я всегда понимала без труда, потому как со слухом у меня все в порядке, а вот речи я так и не выучилась. Несколько звуков, которые я умею издавать (и при желании громче, чем полицейская машина, которая догоняет кого-либо, что я неоднократно видел по телевизору), сводятся к неконтролируемому потоку гласных. Отец, правда, всегда понимал что я хочу сказать каким-то интуитивным способом, который был известен только ему одному.

Сколько я себя знаю, мы всегда жили с ним в старом доме на берегу моря, которое на самом деле являлось частью океана, позарившегося в свое время на этот кусочек пустынной земли. Пустынной эта земля была отнюдь не из-за пустыни, а по причине гор, на которых ничего не росло, не водилось, не прыгало и не ползало, и которые подступали к самой воде, неизвестно где начинаясь, и являлись наилучшим средством защиты для нас обоих. Людей я не видел вообще, по крайней мере в последние лет десять, и жили мы довольно-таки спокойно.

Отец никогда ничего не объяснял о причинах столь скрытного проживания, о котором я догадался когда впервые увидел телевизор, и понял, что нас на этой планете `чуть` больше, чем я думал. Меня вообще это никогда не расстраивало. Я чувствовал мало симпатий к людям и поэтому не спрашивал его ни о чем. Мое доверие к отцу за все время ни разу не пошатнулось, и я во всем ему верил и знал, что он лучше знает что делать, как жить, где гулять и кого можно ловить

и есть и кто может съесть тебя самого.

Он всегда знал что я думаю по тому или иному поводу, расспрашивая меня часами о разных пустяках, которым я не придавал особого значения, и мне всегда было смешно объяснять ему такие вещи как вода, огонь, горы, небо. Не то, чтобы он не знал что это такое на самом деле, а просто ему всегда было интересно что я думаю об этих вещах. Позднее я стал понимать его мотивы к познанию моих умозаключений. Но это было позднее, а сейчас мне было просто весело и я старательно рисовал разных рыб, пузыри воздуха, водоросли, тонущего человека, акул с острыми зубами и много всего подобного потому, что он меня просил объяснить мои чувственные ощущения от моря.

Выкручивая пальцы, делая умное лицо, я рассказывала о последнем, увиденном мною, фильме про подводную жизнь. Когда же была исписана целая стопка листов, изрисована половина очередного альбома и вконец устали руки, он вдруг остановил меня, по-своему открыто и весело засмеялся, встал и сказал, что на сегодня хватит и пора спать. И все также смеясь, пошел наверх, чтобы как всегда перед сном посидеть на веранде, выкурить сигарету и посмотреть на океан. Его часто смешило, когда я о чем-либо горячо рассказывал и размахивал руками и карандашом. Я никогда не обижался на него, ибо понимал, что в конечном счете на его месте я бы просто лопнул со смеху, глядя на такую ситуацию. Иногда мне очень хотелось узнать, о чем он думает, когда сидит

там наверху. Может быть, он думает о том, что называется `жизнь`, хотя я так до конца и не понял значения этого слова, тем более не понял плакать ли или смеяться при этой штуке. Надо бы спросить его как-нибудь...

Глава 2

Позвонили мне ночью в офис. За два дня я пополнил мусорный бак таким количеством выкуренных пачек сигарет, что если бы я выложил их в ряд, то наверняка испугался бы. Было три часа, когда затрезвонил телефон. В голове у меня все как взорвалось, и я спросонья, не разобрав что к чему, заорал в трубку какую-то рекламную ахинею нашей фирмы, но радостный и вместе с этим официальный голос мягко меня прервал.

– Говорит медицинский центр `Моника`. Вы, наверное, будете мистер Юргенсен?

– Да. Вы уж простите меня за эту галиматью...

– У вас сын!

Надо сказать, эти три слова меня сразили наповал. Не то, что бы я боялся чего-то, но все же известие о благополучном рождении сбросило мне камень с плеч.

– Он в порядке? Большой? – забросал я вопросами дежурную.

– Все о`кей! Приезжайте.

И только когда я приехал к центру и влетел мимо охраны в двери с букетом цветов я увидел лицо нашего друга врача, который по нашей просьбе сам принимал роды. Моя улыбка погасла, и вместе с ней стал меркнуть свет. Я осел вдоль стены на пол и тупо уставился на него.

– ?!

– Крепись Ронни! Я не хотел сразу говорить, но...

– Пат?! Я не верю. Это розыгрыш, да?

– Нет, Ронни! Это не розыгрыш. Она просила передать тебе последний привет. У нее был выбор – или она или сын. Она решила подарить тебе сына. Теперь ты – отец! Тебе многое предстоит сделать, чтобы вырастить мальчика. Ты должен быть в норме, должен иметь силы, чтобы в скором времени взять на себя все заботы.

– Да, да. Я понимаю. Я все понимаю. Я сейчас... все пройдет. Сейчас...

Я сидел, и круги в глазах превращались в черные зловещие кольца каких-то ядовитых гадов, которые душили меня за горло и не давали глотнуть воздуха. Комок в горле заслонил собой все вокруг. Я пришел в себя часа через два. Сидя в коридоре, я невпопад кивал головой на успокаивающую болтовню врача, а в голове стучали два больших колокола.

– Буммм!.. Ты понимаешь, Ронни, мы же... Буммм!.. Мы не могли... Буммм!..

И тут я увидел идущую к нам по коридору женщину. Она, спотыкаясь, шла вдоль стены. В ее глазах с черно-синими синяками застыли слезы. Она пошаркала мимо бормоча: `Сынок, Тори, ну как же это?! Как же я теперь?!`

Ее подхватил какой-то парень и бережно повел к выходу.

– Пойдем, мам. Ему уже не поможешь. Пойдем домой.

– Нет, ну, как же, а?! Как теперь-то?! Как без Тори-то?!

Я встал и взял за плечо сидящего со мной врача.

– Покажите мне его!

– Да, да. Конечно! Пойдемте.

Мы вошли через множество стеклянных дверей в спец. палату. Медсестра бережно приподняла лежащего на столе ребенка, взяла его на руки и поднесла ко мне. Я долго смотрел на него, взял тихонько его руку и понял, что это человек, ради которого я отдам всю свою жизнь и даже больше, если потребуется.

Я посмотрел в его еще сморщенное личико и сказал:

– Здравствуй, Тори!

Прошли первые полгода его жизни, полгода кошмара, состоящего из пеленок, простынок, жуткого крика и бессонных ночей. Я нанял медсестру, которая помогала мне во всем, точнее я ей помогал. Как только она вошла к нам, она критически посмотрела на кричащего ребенка и мой растерянный вид и скептически заметила, что, мол, я могу заниматься своими делами и лучше ей не мешать. Несмотря на ее просьбы `чтоб я не путался под ногами`, я все же все свое время посвящал учению обращаться с мальчиком, чем порой очень ее смешил. Видано ли, менеджер компьютерной торговли стирает пеленки. Однако через месяц я завоевал ее уважение в этом вопросе, и она охотно объясняла мне что к чему.

Надо сказать, мальчик родился крепкий и на редкость здоровый. Единственное, что меня беспокоило, было его непо-

нимание человеческой речи. Он как бы существовал совершенно независимо и совершенно не реагировал на проявления к нему ласки. Такие обычные вещи, как уговаривания поесть или убаюкивания, были абсолютно неприменимы. Он ел только когда ему хотелось, спал когда хотел, и вообще всем своим видом как бы говорил, что он тоже кое-что понимает в этих вещах.

Прошел год, прежде чем я стал опасаться за его речь. После долгих осмотров и обследований мои догадки переросли в уверенность врачей что, видимо, Тори никогда не произнесет ни одного сознательного слова. Его связки не были предрасположены к выговору слов. Он мог только издавать открытые звуки, состоящие в основном из гласных, но, в конце концов, я решил, что это не столь уж тяжелое испытание. Главное было позади – он был жив и здоров.

Медсестра, совершенно обосновавшись у нас в доме, была теперь и няней и хозяйкой и домработницей и дворецким. Но и она собиралась нас покинуть, так как ребенок уже подрастал, а я справлялся вполне со всеми обязанностями. Я решил вырастить и воспитать Тори сам, без чьей-либо помощи. Я продал наш большой дом, бросил работу и переехал за город, купив там небольшой домик с садиком. Я считал крайне важным, чтобы ребенок вырос на природе, а где может быть больше природы, чем посреди леса.

Пат оставила достаточно, чтобы можно было жить безбедно нам обоим, да и у меня было сколочено неплохо, и мы

могли спокойно жить на проценты, кои получали исправно по почте, так как ехать с Тори в город мне не хотелось, а оставить его было не с кем. Так и началась наша совместная жизнь; вернее начиналась его, и я очень хотел, чтобы он никогда не пожалел что вырос без матери.

Глава 3

Мне был год, когда я впервые осознал, что вокруг творится что-то не то. Вам, наверное, странно слышать, что я, возраст которого исчислялся двенадцатью месяцами, мог что-то осознавать. Однако это действительно было так. Я помню даже как впервые открыл глаза и сразу увидел мерцающее лицо надо мной, которое улыбнулось и сказало: `Привет, Тори!` С того дня я старался почаще держать их открытыми и, лишь когда они сами собой закрывались, я опять проваливался в темноту, которую невзлюбил сразу же. Мои глаза долго привыкали к мельтешащему красками миру. Поначалу это мелькание было настолько хаотичным, что я совершенно терялся в обстановке. Одеяло, под которым я лежал, успевало за минуту переменить цветов пять и к концу этого отрезка времени я уже и не знал: одеяло ли это вообще?!

Через пару месяцев я уже научилась кое-как управляться с этим обстоятельством, а хаос достиг двух цветности и на том остановился. Я перестала удивляться, когда кубик или мяч в моих руках становились из красного желтым или из синего зеленым. Дольше я привыкал к небу. Оно постоянно находилось в смещенной перспективе, не говоря о цвете, и становилось то высоким, то низким.

Примерно к двум с половиной годам я начал понимать четкий смысл речи отца и тут-то начались сложности. Слож-

ности начались с книжки-раскраски, которую отец купил, чтобы я учился рисовать. Я старательно разрисовал картинку как мог и как раз заканчивал малевать последнюю, когда отец вошел и увидел мое искусство. Выражение его лица изменилось настолько, что я даже испугался. Затем мы вышли на крыльцо, и он показал мне на небо, а затем на синий карандаш. Я упорно смотрела на небо, но ничего синего в нем не нашла: оно было желто-фиолетовым и нормальные красные тучи плыли по небу, напоминая куски ваты. Отец взял книжку и стал закрашивать небо синим цветом, которое, естественно, через минуту стало желтым. Карандаш тоже сделался желтым и чуть смазался в очертаниях, но отец, казалось, этого не заметил. Я закивал головой, улыбнулся и ткнул пальцем в небо, а потом на его картинку, соглашаясь. Он, вроде, успокоился и спросил почему я разрисовал остальные картинку неподходящими цветами. И тогда я умудрился вывести свое первое логическое умозаключение что, видимо, со зрением у него не в порядке. Я чувствовал, что он обидится, если я буду упорствовать, и мы занялись названиями цветов. Он вытянул желтый карандаш, показал мне его близко-близко (как будто я плохо вижу!) и сказал:

– Желтый! Это желтый цвет.

Он хотел убрать его, но я протянул руку и задержал его. Карандаш медленно стал фиолетовым с оттенком зеленого. Конечно, названий цветов я тогда не знал и желто-фи-

олетово-зеленый стал называться `желтым`. Через два дня я запомнил названия, хотя удержать в голове такое количество соцветий было нелегко. Ум мой старательно отказывался воспринимать это как должное, и тогда же я подумал: возможно у меня не все в порядке со зрением? Несколько лет спустя, я научился останавливать смену цветов в глазах на полторы минуты, и хотя это стоило мне больших трудов (голова моя совсем раскалывалась после этого), я выучил-таки по новой (самостоятельно!) названия цветов этого видения, так как понял, что отец видит только половину соцветия предметов. Это его успокоило, но с этих пор он стал как-то странно на меня посматривать. Но это было единственным, что нас разделяло. Мы целыми вечерами бегали по лесу и подстерегали зайцев, когда они вприпрыжку бежали с поля.

Мы сидели в кустах, а зайцы (обычно по двое) неслись в чащу как раз мимо нас, и когда они пробежали мимо, мы выскакивали из кустов и кричали. От такой неожиданности они делали такой скачок в сторону, что иногда даже переворачивались в воздухе. И я стоял и просто заливался хохотом. Потом мы даже придумали ставить на них, как на лошадей, и у кого из нас заяц прыгал красивее, говорил свое желание, а другой исполнял. По этому поводу у нас много раз бывали споры, чисто спортивные, конечно. Отец выскакивал из засады и кричал, хохоча: `Мой, мой!` А я мотал головой, тыкал себя пальцем в грудь и тоже кричал.

Единственное, что меня огорчало, что я не умел говорить.

Я выражал свои эмоции разными звуками, но никогда не мог ничего сказать. Это меня очень удивляло и расстраивало. Казалось бы, чего проще взять и сказать: `Доброе утро!` Но я сколько ни старался, не мог подчинить себе язык и горло. В голове у меня эти слова произносились четко и ясно, а на деле выходило нечто среднее между кошачьим мяуканьем и шипением змеи. Через некоторое время я бросил попытки что-либо сделать в этой области и решил что и так неплохо. Если все будут разговаривать, да разговаривать – это ж какая скукота будет! Но внутри меня уже зародилась тяжесть. Как бы я все-таки хотел когда-нибудь сказать: `Здравствуй, папа!` Отец никогда не подшучивал над моей речью, хотя даже я иногда находил смешные сходства моих слов с голосами некоторых животных или птиц. Иногда к отцу приходили люди. Они подолгу сидели с ним в гостиной, пили кофе, иногда ром и разговаривали долго-долго. Как правило, отец всегда после этих разговоров был расстроен. Я очень не любил этот его встревоженный вид. Мне казалось в эти часы, что я остался один, а он как будто куда-то улетел.

Однажды, когда эти люди приехали, я вышел на крыльцо, загородил проход в дом и сделал угрожающее лицо. Один из них удивленно попятился и пробормотал:

- О, черт! А он неплохо оберегает свое спокойствие!
- У Ронни, наверно, хлопот с ним. Норовистый малый.
- Эй, Ронни! Что это малыш у тебя сегодня, никак с цепи сорвался?!

– Даже не знаю что с ним. Никогда еще его таким не видел.

Наверно, что-то не понравилось.

– Эй, малыш. Мы тебе чем-то не угодили?

Я утвердительно закивал головой.

– Хо! Чем же?!

Я указала на отца и сделала грустный вид.

– Я не совсем понял, но, по-моему, ему не нравится наше присутствие здесь вообще.

Я не мог объяснить свои чувства даже самому себе. Я чувствовала нечто плохое, нечто неуловимое, что несло в себе зло. Оно давило на голову и было похоже на предчувствие, если бы не вполне реальная боль в голове. Тогда я изо всех сил постарался своим сознанием подавить это чувство. И произошло нечто странное. Лица этих людей вдруг поморщились, один из них схватился за голову и осел на пол. Второй в испуге отскочил шагов на пять от двери и закричал, мотая головой:

– Что это?! Отпусти сейчас же! Моя голова!..

Я поутихомирился, так как сразу понял причину столь бурных перемен в их поведении. Они вскочили на ноги и побежали к машине. К слову сказать, больше я их никогда не видела.

Отец внимательно посмотрел на меня, потом присел и заглянул мне в глаза.

– Они ведь плохие люди?

Я усиленно закивала головой.

– Ты не мог ошибиться? Как ты это понял?

Я указала на свою голову, потом на уши и на дорогу, куда они убежали.

– Ты хочешь сказать, что слышал их голову, их мысли?

Я пожал плечами, потом кивнул.

– А что именно ты услышал?

Я отрицательно мотнул головой, затем сделал самую страшную гримасу, которую мог себе представить, развел руки в виде когтей и низко зарычал. Отец коротко кивнул, погладил меня по голове и пошел наверх.

– Я так и думал! – сказал он, поднимаясь по лестнице.

Весь день он просидел на веранде. Вечером он спустился и сразу обратился ко мне с вопросом:

– Давно это?

Я показала, что в первый раз.

– Дело приобретает серьезный оборот. Значит они были правы. Однако, посмотрим, что еще может у тебя произойти.

Я пожал плечами и улыбнулся. Первый раз в жизни я почувствовал себя по-настоящему сильным. Уж теперь я заставлю их оставить нас в покое. Только отец становился все задумчивей и серьезней.

Глава 4

Тори исполнялось четыре года. Стояли свечи. На столе сверкал торт. За окном спускался вечер, и любимый еж Тори, которого недолго думая назвали Кактусом, уже пустился в свои ночные путешествия по дому. Еж вообще был, несомненно, общим любимцем и помимо этого выполнял очень важную работу по дому. Он исправно гонял всяческих грызунов, которые изредка зарились на съестные запасы, а также громко топал ночью, ходя словно сторож по гостиной, и если кто подходил к дому, он сильно шипел, давая знать о непрошенном госте. Иногда мне казалось, что они с Тори разговаривают. Тори садился около ежа, и они подолгу с серьезным видом смотрели друг на друга. Через несколько минут Кактус недовольно фыркал, поворачивался и убегал, топая своими коготками, а Тори смеялся и объяснял жестами мне, что мол Кактус не хочет ему говорить где его семья и откуда он родом. Если бы это говорил обычный мальчик, я бы посмеялся от души, но с Тори дело было по-другому. За свои четыре года он показал, что не всегда склонен к детским рассуждениям, а иногда выдвигал такие теории, что я только разводил руками и чувствовал себя маленьким мальчиком, которому учитель сделал выговор. Так и здесь. Я уж и не знал: смеяться мне или всерьез относиться к этим беседам между Тори и Кактусом.

Так вот, мы втроем сидели за столом (вернее, мы с Тори за столом, а Кактус под ним) и показывали друг другу фокусы, которым научились из книжки. Мы разделяли фокусы напополам и учились каждый своим; а потом друг другу хвастались своими достижениями.

Я выложил свой главный козырь и провернул блестяще шутку с не тонущим шариком, как вдруг Тори загадочно приложил палец к губам, подмигнул мне и показал, чтобы я сел. Затем он зачмокал, подражая Кактусу, и тот, нехотя, вылез из-под столика. Тори усадил его посреди стола, затем показал, чтобы я сидел тихо, а затем уставился на ежа. Тот в свою очередь как замер, так и не двигался. Прошла минута, прерываемая иногда только почмокиванием Тори и тихим шипением Кактуса, как вдруг еж странно гу-гукнул и сел на задние лапы! А потом он засвистел! Я был полностью уничтожен! В мелодии Кактуса с трудом, но улавливалась музыка из заставки детской передачи, которую так любил Тори.

Продолжалось это секунд десять, потом еж сердито фыркнул и скатился обратно под стол. Тори с победоносным видом встал и поклонился `публике`. В тот момент я подумал, что если бы публика действительно присутствовала – это был бы скандал в истории.

– Как ты это сделал?! – изумленно воскликнул я. И Тори `снисходительно` рассмеялся и объяснил, что ничего делать и не надо. Надо только очень попросить, тем более что, по его объяснениям, для Кактуса эти штуки очень унижительны,

и он пообещал, что это в последний раз. Ну, знаете! Сказать, что я был в шоке – это значит не сказать ничего.

Через минут десять я пришел в себя от изумления, и мы вместе потащили Кактуса на кухню откармливать его всякими вкусными штуками. Лично я почувствовал себя очень виноватым перед ним и тоже пообещал ему (вслух, конечно), что это было в последний раз, и он несомненно заслужил себе сегодня безбедную и спокойную жизнь до конца дней своих. С тех пор Кактус стал уважаемым и почетным членом семьи со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Но этими фокусами все только началось. Произошло нечто, что перевернуло впоследствии всю нашу жизнь и, что в конечном итоге было именно тем, чего я всегда боялся. С самого его рождения я был уведомлен, что от Тори можно ожидать чего угодно.

Всем известно, что иногда рождаются дети с патологией. Но в случае с Тори слово патология явно не подходило. Мало того, что его кровь являлась по сути своей сывороткой от, практически, всех болезней, то есть являлась своеобразной всеподавляющей иммунной системой, так еще и обнаружилась повышенная концентрация мозгового вещества. По сути дела, никто не знал, что может в дальнейшем произойти с ним, и поначалу мне предлагали взять Тори на содержание института с дальнейшим изучением его под присмотром специалистов, но я отказался наотрез. Врачи все равно периодически приезжали проверять его состояние, но кроме

отсутствия болезней Тори ничем не отличался от обычных детей. Его невозможность говорить не была соотнесена с его отклонениями, и, в конце концов, врачи ограничились ежемесячным осмотром ввиду опасности сдвига психики.

Но ЭТО произошло. Произошло настолько неожиданно и не ко времени, что дальнейшая жизнь и свобода Тори оказались под угрозой.

Была зима. Мы часто по-прежнему гуляли в лесу. Тори все чаще поражал меня своей способностью `общаться` со зверями и, в особенности, с птицами. Охота отпадала сама собой как совершенно идиотское занятие, и ружье мое давно покрылось пылью. Ну вообразите себе! Как только мы входили в лес, Тори начинал тихонько шипеть, и, казалось, все птицы леса слетались к нему. Они садились к нам на плечи, на голову и кружились вокруг нас несчетным числом. Иногда к нам прибегали зайцы, барсуки и красные лисы.

Мы вышли в лес с утра, чтобы посмотреть как солнце встает из-за снежных холмов на востоке и окрашивает лес в миллионы цветных искр. Мы медленно пробирались на лыжах через заросли. Стояла морозная, трескучая тишина. Я попросил Тори, чтобы он унял своих пернатых друзей, которых, правда, зимой было очень немного. Деревья, покрытые инеем, складывались в совершенно невообразимый узор, который из белого становился черным, когда мы, проходя, задевали за бесконечные нити веток.

Тори всю дорогу был занят своими мыслями и казался

очень занятым какой-то идеей. Я спросил его: не нужна ли моя помощь в решении столь серьезной проблемы, но он отмахнулся и продолжал задумчиво смотреть по сторонам. Тропинка огибала небольшой завал из ветвей, и Тори выразил желание обойти с другой стороны. Я прошел левой стороной завала и остановился подождать Тори, но его не было. У меня екнуло сердце, и я побежал к тому месту, где по моим расчетам, он должен был выйти. И тут я увидел ЭТО.

Его не было! След от лыж кончался у самого поворота, а дальше шел нетронутый глубокий снег. След шел прямо, никуда не сворачивая. Обратно по своим следам он не уходил, это было видно по глубине канавок. Было впечатление что просто прилетел вертолет и унес его прямо отсюда. Я поглядел вверх, но и там ничего не было, кроме почерневших голых деревьев. Я человек отнюдь не нервный, но это было слишком. Не впадая в панику, я встал на месте и позвал:

– Тори! Тори, сейчас же выходи! Не пугай меня так!

И тут я увидел, что на том месте где кончались следы, возник Тори. Не то чтобы он просто возник, сперва задрожал воздух, как бывает от жаркого костра, а затем стал появляться он. Его `изображение` становилось из размазанного все более четким, и вот он уже стоял передо мной и удивленно смотрел на меня.

– Вот оно! – подумал я. Вот то, что когда-нибудь должно было произойти и чего я так боялся.

– Где ты был?!

Он пожал плечами и недоумевающе уставился на меня. Потом ткнул пальцами себе под ноги.

– Тебя не было здесь! Что ты делал последнюю минуту?

Он ответил, что стоял и смотрел на небо. Я посмотрел на небо, хотя уже знал, что ничего там не увижу.

– Пойдем-ка домой. Мне надо серьезно с тобой поговорить.

Так началась наша вторая жизнь. Многие люди рождаются с отклонениями и впоследствии начинают обладать разными странными способностями, такими, например, как телепатия, телекинез, предвидение или еще что-нибудь в этом роде. Да, Тори тоже обладал, точнее начал обладать некой странной способностью. Именно это предсказывали мне его врачи, и именно этого они так ждали. Но, боже мой, разве я мог представить такое?! Пять лет ничего не происходило и вдруг...

Тори умел исчезать! Исчезать совсем, без следа и, как я понял, без особых усилий. Правда, это произошло один раз, но я был уверен, что этот раз далеко не последний. И если, не дай Бог, кто увидит ЭТО, то жизнь Тори мне представлялась в весьма не розовых тонах.

Закрытый режим, секретные лаборатории и, в конце концов, запрос Пентагона на использование в качестве оружия.

Я постарался в тот же вечер выяснить все и потребовал от Тори подробнейших объяснений. Объяснения эти были

весьма туманными. Он сам толком ничего не знал. Мало того, он долго не мог поверить, что он исчезал. В конце разговора я все же понял, что это как-то связано с его нарушениями в восприятии цвета. Это было старой проблемой Тори. Он иногда путал цвета, а на приеме у врача при проверке на дальтонизм и вовсе нес несусветную чушь, но мы давно уже не возвращались к этому. Тем более, что долгие дни занятий не дали никаких результатов. В итоге мы все списали на его `странности`, и этим дело кончилось. Как оказалось на деле, все только этим начиналось. После долгой беседы мы приняли решение уехать. Это было далеко не просто, так как мы все еще находились под негласным наблюдением медицины, которая все более и более часто стала являться вместе с непонятными людьми в штатском.

Итак, бежать. Куда? Эти вопросы встали неожиданно и остро. Тем более, что ни я, ни Тори понятия не имели повторится ли ЭТО еще раз, и когда это произойдет. В общем, мы сели на `бомбу`. Ночью мы сложили вещи и тщательно подготовились покинуть этот дом, который служил нам верой и правдой все это время. Больше всего было расстройств, конечно, у Кактуса. Ему никак не улыбалось покидать родной лес и трястись в машине черт знает куда. Но он, видимо, тоже `понял` всю серьезность положения и позволил себя запаковать в корзину, куда мы набросали отогретого мха и веток.

На следующий день я впервые оставил Тори одного, предварительно закрыв все окна и двери, и пошел искать поку-

пателя на дом. Вечером того же дня мы продали за бесценок все, что смогли, и были готовы отчалить. Тори все воспринял мужественно и как должное. Воспоминание о мрачных людях в костюмах было еще свежо. А когда мы уверили Кактуса, что искать место для дальнейшего проживания будет именно он, и его мнение о местоположении нашего дома будет ведущим, все неурядицы решились сами собой. Было половина второго ночи, когда мы выехали на дорогу и взяли курс на юго-запад.

Глава 5

...Ветер стихал. Высокая зеленая трава начинала постепенно поднимать свои стебли навстречу ночному затишью. Голубые молнии еще продолжали чертить свои причудливые узоры на горизонте, но капли дождя уже редели и большая фиолетовая туча медленно уползала к Розовым скалам. Скалы эти стояли неприступной крепостью на пути всех возможных бурь и штормов. Маленький остров из розового пористого камня, который так мало весил, что сильный шторм иногда сдвигал двухсотметровые скалы, что доставляло немало хлопот степным кошкам, которые ютились под ними. Если темнота наваливалась быстро, им приходилось бежать до ближайших скал несколько десятков лиг. Бояться, конечно, было некого. Никому в голову-то не придет мысль напасть ночью, да и зачем? Уже много лет действовал Закон, распространяющийся на всю планету о неприкосновенности после захода второго солнца. Птицам-то было все равно, но кошкам и слепнякам приходилось трудновато с охотой. Зато ночью можно было спать где угодно, никого не боясь. Кошки же обладали неким стадным инстинктом, который и гнал их каждую ночь под громады скал, где жили Птицы.

Вот и сейчас, с высоты шестого яруса, Птица смотрела, как бежали от надвигающейся тьмы стаи кошек. Некоторые метались посередине `меж двух огней`. Ближайшие скалы

были на расстоянии сорока лиг, и они не могли решить бежать ли до Розовых скал или до Желтых. Иногда приходилось брать в лапы `светляков` и лететь спасать замешкавшихся, а не то ночью они поднимут дикий вой.

На подходе была уже зима, и Птицы начинали готовиться к Межрайдерному перелету. Кошки на время зимы оставались хозяевами Скал, и Птицы позволяли им селиться в теплых пещерах на первых двух ярусах, которых с лихвой хватало на количество зимующих. Шкура кошек была приспособлена для зимы, но они все равно предпочитали быть поближе к теплу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.